

Увидев лошадей, охваченных огнём с головы до копыт, Чжао Нань некоторое время просто не понимал, что происходит.

Всё случилось слишком быстро.

В такую жару в резиденцию вдруг ворвалась целая толпа людей с закрытыми лицами. Как ни посмотри — ничего нормального в этом не было.

Огненные кони носились по огромной территории. Даже получив несколько ран от мечей, они словно не чувствовали боли и специально бросались туда, где было больше людей.

Очень скоро Чжао Нань услышал крики:

— Защитить государя!

Он впервые оказался в подобной ситуации и ещё не успел спросить «что вообще происходит», как за спиной раздались быстрые шаги.

Они приближались всё быстрее.

В следующее мгновение ребро ладони рассекло воздух и ударило Чжао Наня по затылку.

От боли в глазах потемнело.

Кто-то сзади намертво зажал ему рот и нос.

Светлое лицо Чжао Наня быстро покраснело. Удушье охватило всё тело. Он отчаянно дёргался, но силы стремительно уходили из рук и ног.

Веки опустились.

Сознание исчезло.

Когда Чжао Нань очнулся, руки были скручены за спиной, а сам он лежал в углу у стены.

Затылок ныл волнами, голова кружилась.

Перед глазами прошли несколько запylённых чёрных сапог.

Главный среди незнакомцев заметил, что пленник пришёл в себя, и начал сердито тараторить на непонятном языке. Судя по тону, обиды на Чжао Наня у него накопилось немало.

— ...?

Рядом тихо звякнули серебряные украшения.

Чжао Нань мгновенно понял, кто эти люди.

Лёжа на полу, он слабо переводил дыхание и сонно пробормотал:

— Что ты там языком заплетаешь? Давайте нормально, по-дачански...

— ...

На мгновение воцарилась тишина.

— Бесхребетный! Ты и правда переметнулся к Дачану!

Гневный рёв ударил по ушам.

Чжао Нань вздрогнул и наконец немного очнулся.

— Ты не сделал для нас ничего! Червь гу, которого тебе передали, так и не оказался в теле Фу Цзюэчжи!

Один из мужчин присел перед ним.

Шероховатые пальцы больно стиснули подбородок Чжао Наня.

— В Наньцзяне нет места таким клятвопреступникам. Мы больше не признаём за тобой титул наследника.

Чжао Нань от боли стиснул зубы и поднял глаза.

— Прошёл всего один час, а Фу Цзюэчжи уже запечатал весь Цюэцзин. Нам остаётся только прятаться здесь...

Лицо Гэ Даня было мрачным.

— Но клянусь верой Цзюли: если я вернусь живым в Наньцзян, то лично преподнесу тебя князю Наньмину. Из тебя сделают сосуд для выращивания гу!

Тело Чжао Наня напряглось.

Но, услышав это, он неожиданно немного расслабился.

Фу Цзюэчжи закрыл город.

А эти люди не собирались убивать его прямо сейчас.

Значит, шанс выбраться всё-таки был.

Подбородок от чужих пальцев покраснел. Чжао Нань изобразил слабость и тихо сказал:

— Ты прав. Мне тоже кажется, что я немного перегнул...

Гэ Дань холодно усмехнулся и резко отпустил его.

— Хорошо, что понимаешь. И лучше не вздумай устраивать какие-нибудь уловки.

Он поднялся. Серебряные украшения на поясе зазвенели.

— Несколько дней переждём. Если охрана города не ослабнет... Кун Чжимин.

Чжао Нань поднял лицо и посмотрел на упомянутого человека.

Гэ Дань продолжил:

— Пойдёшь к Цуй Юаню. Пусть этот старый ублюдок сам придумает, как открыть нам ворота.

Похоже, это был заброшенный склад возле городского канала.

Место находилось далеко от людных улиц, поэтому солдатам городского управления было трудно его проверить.

Чжао Нань провёл здесь несколько дней.

Сначала его кормили густой кашей, потом рацион деградировал до сухих лепёшек.

Кун Чжимин, похоже, был дачанцем. Наверное, ради его удобства эти люди большую часть времени говорили на общем официальном языке.

Склад был тесным, и Чжао Нань слышал почти каждый разговор.

— Линь Ши уже отправили в императорскую тюрьму. Цуй Юань потерял такого подчинённого и теперь действует намного осторожнее.

Чжао Нань слегка опустил глаза.

Линь Ши уже схватили?

Он моргнул и ещё внимательнее наострил уши.

Гэ Дань пнул лежавший рядом сноп соломы.

— Старый лис поджал хвост и теперь изображает из себя честного учёного чиновника?

Он усмехнулся.

— Одной прошлогодней партии качественного железа, отправленной в Наньцзян, хватит, чтобы император содрал с него кожу.

Кун Чжимин фыркнул. Узкие глаза прищурились.

— Он настолько помешался на желании посадить вдовствующую императрицу за занавес и заставить править вместо императора, что даже отправил нас в княжескую резиденцию делать за него...

Он осёкся. Уголок рта дёрнулся.

— Теперь император под предлогом покушения чистит двор. Большая часть наших людей, оставленных в Дачане, уже попала под удар.

Чжао Нань был привязан к каменной колонне, руки скручены за спиной.

Он немного пошевелился и почувствовал во рту металлический привкус.

Кун Чжимин искажил лицо и процедил сквозь зубы:

— Я не смирюсь.

— Я столько лет потратил в Дачане. Обязательно должен вернуться в Наньцзян.

— Чжимин, пусть твой отец и был дачанцем, ты сделал для Наньцзяна слишком много. Если мы вернёмся, князь Наньмин тебя не обидит.

Гэ Дань хлопнул его по плечу.

Затем достал из наруча спрятанную счётную книгу и неожиданно оскалился. Клыки холодно блеснули в ночи.

— Старый лис Цуй хочет притвориться чистым? На каждой сделке в этой книге стоит его личная печать.

Палец провёл поперёк собственного горла.

Гэ Дань зло улыбнулся.

— Если он и дальше захочет остаться в стороне, мы просто пойдём ко дну вместе и передадим книгу тем, кому следует.

— Голова великого канцлера теперь привязана к нашим жизням одной верёвкой.

Он повернулся к нескольким людям.

— В полночь отправитесь в поместье канцлера.

— Передайте Цуй Юаню слово в слово: пусть немедленно готовит пропуска через заставы.

Взгляд Кун Чжимина намертво прилип к книге.

Вдруг он улыбнулся.

В глазах появилось странное возбуждение.

— Здесь судьба его рода и место будущей императрицы. Старый мерзавец посмеет сказать «нет»?

— Скоро мы вернёмся домой.

Выслушав всё, Чжао Нань застыл.

Появилось слабое ощущение, что его нынешняя жизнь вот-вот закончится.

Он прислонился к колонне и выглядел как человек, который технически ещё жив, но внутренне уже немного умер.

Охраняли его чрезвычайно строго.

Как бы красиво Чжао Нань ни разговаривал и какие бы планы ни строил, Кун Чжимин неизменно подходил, вручал ему сухую лепёшку и произносил одну и ту же фразу:

— Ешь своё.

Все планы побега отправились на дно.

Будущее было беспросветным.

Чжао Нань взял связанными руками сухую лепёшку и со злостью откусил огромный кусок.

Она была такой твёрдой, что чуть не сломала ему зуб.

Жизнь действительно оказалась горькой.

Поэтому вечером, когда очередную сухую еду снова поднесли к лицу, Чжао Нань жалобно отвернулся и обиженно спросил:

— А нельзя хоть что-нибудь повкуснее?

Хотя бы ради вас самих.

— ...

Люди, возвращавшиеся после переговоров в поместье канцлера, тоже держали в руках сухие лепёшки.

После слов Чжао Наня даже им стало заметно труднее жевать.

— Хватит, — сказал Гэ Дань.

Он закрыл глаза и выглядел несколько измученным.

— Фу Цзюэчжи временно исполняет обязанности командующего столичной стражей и действует жёстче прежнего.

Он нахмурился и сообщил остальным полученные новости:

— Цуй Юань подал доклад наверх. Некоторые придворные его поддержали, но Фу Цзюэчжи всё равно отложил открытие городских ворот ещё на пять дней.

— Наше продовольствие...

За дверью лежал ясный лунный свет.

В заброшенном складе вдруг стало очень тихо.

Кун Чжимин прищурился и медленно оглядел всех острым взглядом.

Чжао Нань будто устал стоять у колонны и слегка наклонился в сторону. Пряди на лбу едва качнулись.

— Когда выберемся из Цюэцзина, впереди будет ещё долгий путь. Серебро понадобится постоянно.

Он говорил чрезвычайно искренне и посмотрел на украшения у пояса Гэ Даня.

— Узоры на ваших серебряных вещах слишком характерные. Любой, кто присмотрится, поймёт: это Наньцзян. Так просто их не потратить.

Чжао Нань улыбнулся и вдруг подался лицом вперёд.

Волосы сдвинулись, открывая мочку уха и висящую под ней красную нефритовую подвеску.

— Это высококачественный красный нефрит. Отнесите его в ломбард и получите серебро.

Он хитро моргнул и тихо добавил:

— Давайте сменим меню. Я больше не хочу есть сухие лепёшки.

<http://bllate.org/book/19943/1983926>